

К полудню дождь утих, и над склоном горы раскинулась радужная дуга — яркая, призрачно замершая у самого края небосвода.

Вокруг тренировочной площадки толпились альфы. Они орали во весь голос, оглушительно хлопая в ладони:

— Инструктор Фу! Инструктор Фу!

— Охуеть можно! Жми, инструктор, давай!

Для демонстрации Фу Сыхэн отобрал двух альф S-ранга — Хань Фэя и Чжао Чжифаня.

Едва прозвучал свисток, все трое синхронно рухнули на землю и устремились под натянутую сетку.

И если движения Хань Фэя и Чжао Чжифаня казались чеканно-образцовыми, то Сыхэн двигался безупречно чисто и изящно. Наблюдать за ним было всё равно что следить за завораживающим представлением.

Под оглушительные крики трибун он мгновенно преодолел оба участка с разными видами ползания и первым пересек финишную черту.

— Инструктор Фу — просто бог! — взревели курсанты.

— Четырнадцать и три сотых, — Янь Сюнь вскинул секундомер, и губы его тронула задорная ухмылка. — Это быстрее, чем их стометровка по прямой.

Фу Сыхэн, хоть и вымазался с ног до головы в грязи, довольный, кивнул:

— Пошел вровень с твоим рекордом.

Кадеты тут же перевели взгляды на Янь Сюня, затолпившись и перебивая друг друга:

— Вау, старшеклассник Янь, вы настолько круты?!

— Крут-то крут, да только техника у него была отвратительная, — непринужденно бросил Сыхэн, вызвав у толпы взрыв хохота.

Янь Сюнь не удержался от смешка:

— Эй-эй, поосторожнее со словами, мне еще с этим лицом жить!

В университетские годы полоса препятствий проходила через песчаный карьер. Янь Сюнь вечно набирал полный рот песка, за что однокурсники безжалостно прозвали его стиль «собачьим кролем».

— Инструктор Фу, а кто из вас двоих раньше был быстрее? — выкрикнул кто-то из строя.

Толпа подхватила:

— Точно! Нам давно невтерпёж узнать!

Они переглянулись. Сыхэн уже собрался ответить: «Он», — но Янь Сюнь внезапно бросил на курсантов странный взгляд и рявкнул:

— Разболтались! А ну марш на исходную, живо тренироваться!

Поняв, что откровений не будет, кадеты разочарованно поплелись строиться на старте.

Сыхэн подошел ближе и с усмешкой проговорил:

— С чего ты так взъелся? Я ведь не отрицаю, что ты был быстрее.

Янь Сюнь отвернулся и сухо буркнул:

— Великое достижение — быть быстрым.

Сыхэн недоуменно вскинул брови. Янь Сюнь кашлянул и понизил голос до шепота:

— Настоящему мужчине не стоит хвастаться тем, что он «быстрый». Понимаешь?

До Сыхэна наконец дошел подтекст, и он на мгновение лишился дара речи.

Заметив его реакцию, Янь Сюнь упрямо подался вперед:

— Это еще что за закатывание глаз? Я всё видел, не увиливай! Не веришь, что я выносливый? Может, выберем время и проверим?

Слова звучали откровенно развязно, но Фу Сыхэн истолковал их по-своему.

Он решил, будто Янь Сюнь изо всех сил пытается скрыть собственные проблемы с «мужской силой» и, болезненно переживая эту тему, провоцирует его от безысходности. В душе Сыхэна внезапно поднялась волна искреннего сочувствия.

Слегка прокашлявшись, он мягко проговорил:

— Я верю тебе.

— Чего молчишь? Слабо принять вызов?.. Стоп, что ты сказал?!

— Я верю, что ты очень вынослив, — повторил Сыхэн, глядя прямо ему в глаза, чтобы тот точно услышал.

Взор его был абсолютно чист и серьезен. Молодым, горячим альфам требуется поддержка, а не подшучивания над их уязвимым эго.

В то же мгновение Янь Сюнь вспыхнул до корней волос — густой румянец залил щеки и шею.

Он резко отвернулся, выставив напоказ лишь пылающий кончик уха, и проорал в сторону старта:

— Чего копаетесь?! Живо готовьтесь!

Курсанты выстроились, раздался свисток.

Свежий, умытый дождем воздух затопил плац, немного разогнав духоту, запах пота и усталость. Радуга на горизонте вальяжно раскинула цветные полосы, словно любопытствуя из-за облаков за происходящим внизу.

С наступлением темноты те, кто днём не сдал нормативы, сами напросились к Янь Сюню на дополнительные занятия.

Фу Сыхэн вернулся к себе и отправился в душевую — поварская бригада как раз наладила подачу горячей воды. Пока он мылся, остальные ужинали, так что в душевой не было ни души.

Под струями воды он ощутил ноющую боль в спине, но не придал этому значения, решив, что всему виной изнурительные нагрузки, от которых во всем теле образовалась странная слабость.

Густой пар вызывал лёгкое недомогание. Закончив, Сыхэн заодно выстирал форму и развесил её на сушилке в коридоре.

Обычно в академии по вечерам устраивали просмотр новостей и самоподготовку, однако с учетом бешеных нагрузок инструкторы отменили вечерние занятия.

Умотавшиеся за день курсанты коротали время кто во что горазд: одни высыпали на улицу подышать, другие забились по углам, перебрасываясь в карты и болтая.

В дверь Фу Сыхэна постучали. Спустя мгновение замок щелкнул.

Сыхэн, уже переодевшийся в домашнее, увидел на пороге Янь Сюня с некрупным свертком в руках.

— Можно к тебе? — спросил Янь Сюнь, опираясь рукой о косяк.

Он тоже недавно вышел из душа: отросшие волосы еще хранили капли воды, а от тела веяло знакомым ароматом казенного геля.

Сыхэн отступил, впуская его:

— Что-то случилось?

Прикрыв за собой дверь, Янь Сюнь обернулся:

— Инструктор Фу, сними кофту... Только не смотри на меня так, я вовсе не о том! Я замешкался у сушилки и заметил, что твоя форма порвана. Должно быть, зацепил проволоку, когда полз. Хочу проверить, не поранился ли ты.

Сыхэн сам раздавал им аптечки, так что лекарств у него хватало. К тому же обнажаться перед другим человеком казалось ему неловким, поэтому он отмахнулся:

— Всё со мной в порядке.

— Тсс, замри, — Янь Сюнь впился взглядом в его локоть и шагнул вперед, перехватывая тонкое запястье. — На, глянь, синяк какой.

Сыхэн опустил глаза. На фарфорово-белой коже локтя расплылось темное, багрово-синее пятно.

Запястье у него было изящным, сухим; пальцы Янь Сюня легко смыкались вокруг него, ощущая ладонью жесткий выпирающий сустав.

— Пошли, присядь, разотру. — Янь Сюнь потянул его к столу.

В комнате стоял лишь один стул. Усадив Сыхэна прямо на край столешницы, Янь Сюнь устроился напротив и, капнув на ладонь целебного масла, принялся осторожно растирать ушиб.

— Отец всегда твердил: если ушибы не разогревать сразу, на следующий день травмированное место дубеет и мешает тренироваться, — сосредоточенно проговаривал он, методично разминая гематому.

Оказавшись выше, Сыхэн сверху вниз разглядывал его.

У Янь Сюня были выразительные, мужественные черты лица; его смугловатая кожа контрастировала с белизной Сыхэна, а широкая ладонь действовала бережней и трепетней, чем у медсестер из академической санчасти — словно он боялся причинить малейшую боль.

На душе у Сыхэна стало щемяще-тепло. Вырасти в подобной семье и сохранить благородство, искренность и доброту — редкая ценность.

С этими мыслями он полностью расслабил руку.

Из-за истощения духовной силы после выматывающего дня его одолевала тяжелая вялость. Горячая ладонь Янь Сюня приятно согревала кожу, унимая боль, и от этого уютного тепла голова Сыхэна слегка затуманилась.

По комнате поплыл едва уловимый, но отчетливый аромат — переплетение свежести и густой терпкости, ни на что не похожий запах янтарного мускуса.

На сей раз он ощущался отчетливее, чем когда-либо прежде.

Фу Сыхэн повел носом и, подавшись ниже, прошептал прямо ему в лицо:

— Янь Сюнь, кажется... я и вправду что-то чувствую. От тебя пахнет.

— М-м? — Янь Сюнь вскинул голову, и они чуть не столкнулись носами.

Перед ним оказалось лицо Сыхэна — безупречно гладкое, с чистыми серо-голубыми глазами, напоминающими прозрачные лесные ключи. Чуть ниже атели влажные, мягкие губы.

Пальцы Янь Сюня дрогнули. Взгляд скользнул к разрезу свободного ворота домашней рубашки, провиснувшего от наклона.

На белоснежной коже груди проступало нежное, едва заметное розоватое пятнышко.

Взгляд Янь Сюня мгновенно потемнел.

<http://bllate.org/book/19806/1986322>